

ВАЛЕРИАН БОРОДАЕВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Валериан Валерианович Бородаевский

Стихотворения

*Текст предоставлен правообладателем
Стихотворения: 1923*

Аннотация

«...Сумрак предрассветный... Буря снеговая...
Злоба вихрей бледных треплет ранний звон...
Колокол безумный бредит, обмирая,
И относит дальше взвешанных ворон...»

Содержание

Стихотворения (Элегии, оды, идиллии. СПб, 1909.)	8
I. «Вкруг колокольни обомшелой...»	8
II. Ранняя обедня	10
III. «Панихиды в синеве мерцают...»	11
IV. «Слышу я тихие стуки...»	12
V. Свидание	13
VI. «Маскарад любите погребальный!...»	14
VII. «Рассветало. Моросило...»	15
VIII. «Печаль опустошенной, затихающей души...»	16
IX. «Нынче Горе мое нарядилось...»	17
X. «Хожу меж обугленных балок...»	18
XI. Пир	19
XII. Степные вихри	20
1. «Глянь: как лезвие, остер...»	20
2. «Там, в далекой дали...»	20
XIII. Карета	22
XIV. Ноктурно	24
XV. Ад	26
XVI. «Вижу там, в багреце заходящих лучей...»	27
XVII. «Я пронжу, пронжу иглой...»	28

XVIII. «Он нашел тебя, овца заблудшая...»	30
XIX. «Кругом – одна лазурь. Прозрачен небосклон...»	31
XX. «Над пустынными полями видится...»	32
XXI. Страстные свечи	33
XXII. Напрасно	34
XXIII. Сораспятые	35
XXIV. Эолова арфа	36
XXV. В недрах	37
XXVI. В музее	38
XXVII. Колеса	39
XXVIII. Да и нет	41
I. «Художник, женщина и солнце! Вам дано...»	41
II. «Вглядись во мрак, печальный богомаз...»	41
XXIX. «Зову тебя в воды хрустальные...»	43
XXX. «Явлен знак. На персях напишу я...»	44
XXXI. Искусителю	46
XXXII. Маги	47
I. «Мы – цари. Жезлом державным»	47
II. «Мы – цари. В венцах с жезлами...»	48
XXXIII. Барельеф	49
XXXIV. Херувимы	50
I. «Херувимы Ассирии, быки крылатые...»	50
II. «Вашу правду несете вы, прашуры	50

древние...»	
XXXV. Сфинкс	52
XXXVI. Я холоден	53
XXXVII. С дороги	54
XXXVIII. Тоска	55
XXXIX. Мяч	57
XL. Возле елки	58
XLI. «Мы носились на гигантах...»	59
XLII. На пасхе	61
XLIII. Божья коровка	62
XLIV. Встреча	63
XLV. «Наши тени на снегах...»	64
XLVI. Старые девушки	65
I. «Повесть немая о тягостной страде...»	65
II. «Ты любила стихи и была горбатая...»	66
XLVII. «Номер тринадцатый наша каюта...»	67
XLVIII. «Мышь ворвалась к нам летучая...»	68
XLIX. У себя	69
L. Голубятник	70
LI. Апрель	71
LII. «Капал дождик с шатких веток...»	72
LIII. «Зеленя разбегались, струились...»	73
LIV. Беглые строфы	74
LV. В лесу	75
I. «Утро раннее в красных огнях...»	75
II. «Оттепель. С длинных сосулек	76

сбегая...»	
LVI. Виноград	77
LVII. «Образы любимые, что сердце перетрөгало...»	78
Уединенный дол. Вторая книга стихов. (М.: Мусагет, 1914)	79
I. Медальоны. Цикл сонетов	79
1. Святой Франциск	79
2. Мильтон	80
3. Паскаль	81
4. Сведенборг	81
5. Калиостро	82
6. Бальзак	83
II. Орлы	85
III. Памяти Н. Ф. Федорова	87
1. «С каким безумием почтил ты человека...»	87
2. Заставка	87
IV. Гимн предкам	89
V. Ковыль	91
VI. Тучи	92
VII. «Порвался мертвый полог забытья...»	94
VIII. «Мой хранитель в орлянку играл...»	96
IX. «Когда Господь метнет меня на землю...»	98
X. Водопад	99
XI. Бескрайный путь. Сонет	100

XII. Искатели	101
XIII. «Я не искал крутых дорог...»	103
XIV. «Как столб, иссеченный в горах, один, затерян...»	104
XV. «Не люби на земле ни леса, ни луга заливные...»	105
XVI. Христова невеста	106
XVII. Скиты	108
XVIII. Старцы	110
XIX. Икона	111
На лоне родимой земли	112
I. «Ударил гром. В ночи бездонной...»	112
II. Багрянородному	114
III. Береза	115
IV. На балконе	117
V. Иволга	118
VI. «Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный...»	119
VII. Февраль	120
VIII. Ранний сев	121
IX. «В сизые волны речные юноши, сбросив одежды...»	122
X. «Любишь ржавых тростников...»	123
XI. Вечер	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Валериан Валерианович Бородаевский Стихотворения

Стихотворения (Элегии,
оды, идиллии. СПб, 1909.)

І. «Вкруг колокольни обомшелой...»

Вкруг колокольни обомшелой,
Где воздух так безгрешно тих,
Летают траурные стрелы
Стрижей пронзительных и злых.

Над кровью томного заката
Склоненных ив печаль светла.
И новых стрел душе не надо:
Душа все стрелы приняла.

Стрижи ватагою победной
Дочертят вещую спираль;
И, догорая, запад бледный

Отбросит пурпурную шаль.

И будут ив бездумны речи,
Как черствый ропот старика,
Когда одна стучит далече
Его дорожная клюка.

II. Ранняя обедня

Сумрак предрассветный... Буря снеговая...
Злоба вихрей бледных треплет ранний звон...
Колокол безумный бредит, обмирая,
И относит дальше взвешанных ворон.

Там, в приделе черном, засветилась свечка.
Что-то там скребется... Крыса или поп?
Протянулось дыма сизое колечко,
Замерцал глазетом позабытый гроб.

Яростная буря воеет неустанно,
Бьется в стекла церкви льдистое крыло...
И зачем так холодно? И зачем так рано?
И зачем дороги снегом замело?

Не склонится ухо к тайне позабытой.
Нагорает свечка. Вырастает гроб.
Плачет воск один на каменные плиты,
Да в дверях, простершись, молится сугроб.

III. «Панихиды в синеве мерцают...»

Панихиды в синеве мерцают,
Зажжены рукой холодеющей.
Облетают, отлетают,
Те, что нежились в полдень млеющий.

Широко открытыми глазами
Смотрят в поле окна пустынные.
Над полями, над прудами
Нити тонкие, паутинные.

Паркой срезаны жизни скромные,
И концы их лаской светятся...
На кресты садятся темные,
Над могилой хотелось бы встретиться.

IV. «Слышу я тихие стуки...»

Слышу я тихие стуки,
Стуки ночные в стены...
Слабые, милые руки,
Земли вас опутали плены.

Бьете, как сторож в доску,
Черствое сердце мягчите.
Выманить надо ль вам слезку?
Тайную ль встречу сулите?

Глохнут залетные звуки...
Вот и совсем замолчали...
Милые, белые руки,
Видно, вы путы порвали!

V. Свидание

В тайне рассвета, бела, недвижима,
Ризой, как облаком легким, одета,
Мертвая, – ты мне явилась, томима,
В тайне рассвета.

Ты мне сияла лучом искупленья.
Сердце тревожилось и трепетало...
Но, побеждая земное смятенье,
Ты мне сияла.

Светлой мечтою промчалась ты мимо
Сумрак, серея, навис надо мною...
Тихо; лишь сердце, как арфа, томимо
Светлой мечтою.

VI. «Маскарад любите погребальный!..»

Маскарад любите погребальный!
Да живит, как легкое вино,
Этот блеск цилиндров триумфальный,
Строй коней под черным домино, —

Фонари, повязанные крепом,
Длинный гроб, где кто-то, притаясь,
В этом фарсе, милом и нелепом,
Мертвеца играет, не смеясь!

Хороши под балдахином дроги
И цветы из ласковых теплиц,
И зеленый ельник по дороге,
И слеза на выгибе ресниц...

И люблю, когда, со мной равняясь,
Подмигнет он радости моей.
Я молчу... Я тайно улыбаюсь
Черным маскам ряженных коней.

VII. «Рассветало. Моросило...»

Рассветало. Моросило.
Нахлобучив капюшон,
Ночь угрюмо опочила.
И, в умершую влюблен,
Застонал последний сон.
А по улице печальной
Побледневшие спешили
Вереницей погребальной:
– Ночь, тебя мы обнажили,
Миром сладостным омыли.
Ты ушла с заклятой тайной! –
Под зонтами, вереницей
Шли за черной колесницей.

VIII. «Печаль опустошенной, затишающей души...»

Печаль опустошенной, затишающей души,
Где свет, словно в чаще, что расчистил топор.
Склоненные колени у последней межи,
Широкая улыбка, туманный взор.
Обнять, простить хотелось бы, обласкать ножи убийц,
Презрительной любовью одарить врагов: –
Так Цезарь, в плаще закутанный, поверженный ниц,
Торжественно вступал в обитель богов.

IX. «Нынче Горе мое нарядилось...»

Нынче Горе мое нарядилось,
Надевало бальное платье;
Духами смеясь окропилось,
У зеркал примеряло запястья.

Нынче, Горе, твои именины.
Будет бал, торжествен и светел.
В алом – дамы; в черном – мужчины.
Я гостей улыбками встретил.

В нежном танце тебя закружу я,
Потону в твоём огненном взоре.
Как хочу твоего поцелуя,
Как люблю тебя нынче, Горе!

Х. «Хожу меж обугленных балок...»

Хожу меж обугленных балок
Пожарища веси моей.
Сам себе странен и жалок,
Пепел собираю,
На ветер гудящий бросаю,
И солнце сквозь пепел страшной.

О, как пламенело, как жгло ты,
Блаженство багряных орлов!
Сладость твоей позолоты
Век не изжить!
Той изгари едкой вовек не избыть
Всей дружбе холодных ветров.

Но траурной ризы не сброшу.
Влеку этот длинный
Шлейф, как бесценную ношу.
Пепел собираю,
Над пашней разрытой бросаю:
Взойди, воскрешенный, забвенный, старинный!

XI. Пир

Зеленые, хитрые волны, со мной не лукавьте,
Честных объятий хочу я, старый пловец.
Мчите от берега прочь, песней забавьте.
Вокруг головы оплетите зеленый венец.

Вспененные гряды в зыби – морское похмелье!
Тело, что бури ковали, не нужно земле.
Акулы, акулы, любил я ваш плеск и веселье
В холодной, глубинной, зеленой, колдующей мгле.

Вы, белые чайки, отраден ваш лёт замеделённый,
Склонитесь, приникните ближе к холодным губам!
Акулы и чайки, на пир! Кудрявой короной
Увенчанный друг потрясает свой кубок червонный,
Где горькая кровь, что кипела по дальним морям.

ХII. Степные вихри

1. «Глянь: как лезвие, остер...»

Глянь: как лезвие, остер
Край земли.
Мчится всадник, буйн и скор,
Там вдали.
Мчится он по лезвию
Все кругом:
Обскакал бы жизнь мою
На лихом!
Я спешу наперерез...
Я – всё здесь. Он – всё там!
Дух чудес,
Заверть, вьется по степям...

2. «Там, в далекой дали...»

Там, в далекой дали,
Перерезаны жилы мои.
Я не вижу, не знаю,
Только чую, –

Истекаю

Там вдали, за тридевять земель...

На смертельную рану мою

Я скачу посмотреть.

Ошалелые тройки гублю, –

И кого мне жалеть?

На смертельную рану мою –

Там вдали – посмотреть!

– Этих вражьих равнин

Неоглядную рать

Отрази, паладин,

Научись побеждать!

Мчатся кони на смерть,

Пена снегом валит.

Одинокая жердь,

Угрожая, стоит –

Там вдали...

ХІІІ. Карета

Ах, карета, что еле плетется,
Ослабевшими дверцами машет!
Улица грубо смеется,
Ветер пронзительный пашет...

Голубая обивка слиняла,
И герб облупился древний.
Ты везла меня, дребезжала,
Подпевала душе моей гневной.

Там гуляла любезная сердцу,
Поджидала проезд желанный.
Распахну скрипучую дверцу,
И войдет с улыбкой венчанной.

Повернуть, шатаясь, клячи,
Посвистит толпа, провожая –
Потому, что не могут иначе:
Мы простим, всех простим, дорогая.

Не поедем в наследственный терем,
Распряжем коней, спустим шторы –
И в мечту свою пылко поверим,
И сплетем своих снов узоры.

А на утро покинем карету;
Как бродяга, встал день, беззаботен...
Разнесем наше счастье по свету
Под шарманку у всех подворотен.

XIV. Ноктурно

Я тень зову, я жду Леилы.
Пушкин

Ко мне в жемчужнице, на черных лебедях,
Плывешь, любимая, и простираешь длани,
С глазами нежной и безумной лани
И розой в смольных волосах.

Тоскуя ждешь, да примет берег мой
Твою ладью и спутников прилежных.
Два черных лебедя у камней прибережных
Плывут торжественной четой.

И камни острые вонзаются им в грудь!
И перья черные развеяны ветрами.
Расширенный мятежными зыбями,
Влечется алый, алый путь...

Ко мне в жемчужнице, на черных лебедях,
Плывешь, любимая, и простираешь длани,
С глазами нежной и безумной лани
И розой в смольных волосах.

Как недвижимый страж, замерший на часах,
Я жду, когда, недлительно и строго,

Снесут тебя до бедного порога,
Подъяв на траурных крылах.

И слезы на обветренных глазах
Туманят даль; и пенистые гряды
Растут, гремят, вздымаются в громады,
Изнемогая на камнях.

Тоскуя ждешь, да примет берег мой
Твою ладью и спутников прилежных.
Два черных лебедя у камней прибережных
Плывут торжественной четой.

Твои глаза подъемлются с мольбой,
И видишь ты угрюмые теснины...
И воют волны с яростью звериной,
И брызжут пеной снеговой.

Воздвигнуты над грозною волной,
Презрев истому, лебеди стремятся, –
Но скалы хмурые на встречу им толпятся
Неколебимою стеной.

И камни острые вонзаются им в грудь!
И перья черные развеяны ветрами.
Расширенный мятежными зыбями,
Влечется алый, алый путь...

XV. Ад

Певучим голоском, колебля тощий посох,
Про муки адские рассказывал монах...
Пел соловей о монастырских розах;
Лучилась звездочка в березовых ветвях,
Дремотно зыблющих сережки и листочки;
И, охмелев, неслись янтарные хрущи...

– «Так сбудется от строчки и до строчки:

Возьмут тебя в каленые клещи»...
И, вскинув посох, сумрачный, грозитя.
Замолк; потупился: «Вот так–то, милый брат!»
И теребить плачевную косицу.
– «И подлинно... Уж если ад, так ад –
Пунцовый, с бесами и серными парами!..»
О, звезды нежные! Влюбленный соловей!
И пусть она придет, с губящими глазами,
И этот ад сожжет меня скорей!

XVI. «Вижу там, в багреце заходящих лучей...»

Вижу там, в багреце заходящих лучей,
Паучок раскачался на нити своей.
– Золотая березка, ты удержишь меня?
– Ты закинешь повыше, – повыше меня?
Мимо мошек огнистых летит, упоен,
Как они – окрылен, как они – озарен.
И на ветер пустил хитроумную сеть.
Не беда ведь осенним деньком поговорь!
– Золотая березка, ты вскинешь меня?
– Золотая березка, ты любишь меня?

В багреце заходящих холодных лучей
Ты проходишь, шурша вдоль пустынных аллей.
Вот замедлишь. И глянешь... И сумрачный взгляд
Изольет в мою душу томительный яд.
Вырвут слабый, восторженно–жалобный крик
Эти красные губы и каменный лик.
– Золотая березка, ты примешь меня?
– Золотая березка, ты любишь меня?

XVII. «Я пронжу, пронжу иглой...»

Я пронжу, пронжу иглой
Сердце куклы восковой.
– Жарко, сердце, загорись,
Разорвись! –

Много дней и много лет
Целовал я милый след.
– Оглянись ко мне, – шептал,
Умолял.

В тихой комнате моей,
Непреклонный чародей,
Ныне я колю иглой
Сердце куклы восковой.

– Жарко, сердце, загорись,
Разорвись! –
Неподкупная игла
Так светла...

Вот, ты здесь, в моих руках,
Воском таешь... Смертный страх
Здесь со мной, дрожит во мне:
«Я в огне.

Приголубь больную грудь,
Осени на смертный путь...»
Сердце куклы восковой
Под иглой.

– Здесь я, здесь, твой верный друг,
Обвожу заклтый круг
И в дыханьи тайных чар
Шлю тебе мой лучший дар:

– Сердце, сердце, разожгись,
Разорвись! –
Неподкупная игла –
Как стрела.

XVIII. «Он нашел тебя, овца заблудшая...»

Он нашел тебя, овца заблудшая, –
Не пугайся солнечного взгляда.
Для Него теперь ты – лучшая,
Ты – царица белого стада.

Забудь об оврагах глубоких,
Где нога твоя тайно скользила.
О ночах забудь темнооких
И о тех, кого ты любила.

Отдыхая на росистых травах,
Говори с цветами голубыми;
Но молчи про злую правду правых –
Ты, греховная, взнесенная над ними.

XIX. «Кругом – одна лазурь. Прозрачен небосклон...»

Кругом – одна лазурь. Прозрачен небосклон.
Трепещет речка в искрах золотистых.
Раскинулись ковры подснежников звездистых,
И слышен зябликов задорный перезвон.

Березки белые, как дружные сестрицы,
Лепечут что-то... Трудно их понять!
Высоко надо мной едва-едва видать
Последних журавлей отсталые станицы...

Праматерь смуглая, благослови меня!
Я – сердце, полное терзаний
Неутолимого огня.
Я – блудный сын среди твоих созданий.
Я только блудный сын, – благослови меня!

XX. «Над пустынными полями видится...»

Вячеславу Иванову

Над пустынными полями видится
В облачках серебристая лестница.
До меня ли Любовь унижится?
Ты ли, Крепкий, грядешь из-за месяца?

Через грудь мою руки скрещаются,
Я вступаю на путь неизведанный, —
И ступени так томно качаются
Под пятой, землистому преданной.

От низин задымились туманы,
Голубые с алыми отливами.
Чей-то смех прозвенел так странно.
Белый образ под черными ивами.

Устоишь ли, воздушная лестница?
Отойдешь ли, чудо недостойному?
Серый зверь притаился у месяца.
В очи смотрит небесному Воину.

XXI. Страстные свечи

Отвращайте свечами страстными
Тучу белую, тяжелую градом.
Призывайте Господне имя:
Смилуйся, Пастырь, над стадом!

Синеалых молний изломы
Плещут крыльями, как гневные птицы.
Прогремят многотрубные громы,
Долу велят склониться.

И презрительно туча минует,
Взыскупя нив не заклых,
Где сожгли уже свечку страстную
В темных, пугливых хатах.

XXII. Напрасно

Колючей молнией венчанное Чело
Точило кровь с высот... Печальный, тихий дождь
Багрил поля. Сквозь желоба несло
Рубинную струю. И мы зывали: «Вождь!
Божественная жертва! За тобой
Все потечем... Незреченный час!
Покинем очаги и бледною толпой
Все устремимся на призывный глас!»

Пролился тихий дождь. И огненный закат
На клочьях сизых туч гневно трепетал,
И сладкий свет надоблачных лампад
Блеснул – и ночь сошла... И каждый засыпал!
А поутру докучный, белый свет,
Как бич, сгонял к заботам и трудам.
И дню угасшему мы говорили: «Нет!
Ты был ли там? Нет! Как верить облакам?»

XXIII. Сораспятые

Горькая складка скривила уста.
Кровь пролилась на ланиты.
– «Если Ты – Бог, сойди со креста!
С нами вместе сойди Ты»...

Мертвенно тело на древе, – в ночи
Руки так бледны, так хилы.
Слабо у Лика струятся лучи;
Тлея, мерцают, унылы.

– «Ветру ли славу Твою унести?
Ночь ли украдет победу?
Вместе по крестному шли мы пути,
Ты не поможешь соседу?

Или погибнем, пройдем без следа?
Будут злодейства – забыты?
Если Ты – Бог, сойди со креста!
С нами вместе сойди Ты!»

XXIV. Эолова арфа

Ты, да ветер, да арфа эолова
На столбе, в голубой вышине.
Тяжко дремлется... Мало веселого!
Как в горячечном пышет огне

Изнемогшая степь. Трескотание
Замирает усталых цикад.
И растет, искушая, стенание,
Оловянные петли звенят...

Через степь, через степь дымносерую
Преклоняется нудный быльняк...
Нынче горестно в Господа верую:
Нынче Бог – будто тот же бедняк.

На крыльце прикорнул Он у хижины,
Загляделся в бесплодную степь...
И, к Предвечному странно приближены,
Все влекут бесконечную цепь:

Ты, да ветер, да арфа эолова...
Ах, уснуть бы, уснуть... Не могу!
Затомила коробка из олова:
Топором бы хватил по столбу!

XXV. В недрах

Плесень по сводам, осклизлые стены.
И рудокоп, ночью и днем,
С чахлым огнем.
Вянущим, тающим, – в долгие смены
Медленным мерно стучит молотком...

Кони понурые вдоль галереи
Гулко катят груды камней.
Окрики: гей!
Плавно дрожат седоватые шеи,
Вислые губы темничных коней.

Словно над гробом, поют молотками...
Слышишь удар? То динамит
Скалы громит.
Цепи тележек бегут за конями.
Снова и снова гремит и гремит.

Мнится, рассядет утроба земная.
Дух заняло... В глубях земли –
В желтой пыли –
Скорбные тени, огнями качая,
Двигутся, движутся. Мимо. Прошли...

XXVI. В музее

Зародыши людей! примите мой привет,
Бессмертные в спирту, меж кукол восковых,
Желудком пьяницы (что тоже много лет
Черпал бессмертие из чарок огневых) –

И слепком гнусных язв, карающих порок!..
Зародыши людей! я знаю: ваша пыль
Мрачит лазурный день, и сточных труб поток
Подземной Летой мчит неявленную быль...

Миры планетные, безумною пятой
Низринутые в мрак и хаос сил слепых!
Здесь, рядом с женщиной, сообщницей больной,
Я вас приветствую меж кукол восковых.

XXVII. Колеса

*И колеса кругом были полны очей.
Иезекиил, X, 12*

Сон молнийный духовидца
Жаждет выявиться миру.
О, безмысленные лица!
О, разумные колеса!

Ткут червонную порфиру.
Серо-бледны, смотрят косо.
И под гул я строю лиру...
За ударом мчатся нити.

И на лицах нет вопроса,
И не скажут об обиде.
И зубчатые колеса
Поцелуев вязких ищут.

На железный бег смотрите!
Челноки, как бесы, рыщут.
Напевая дикой прыти,
Свиристит стальная птица.

Рычаги, качаясь, свищут.
Реют крылья духовидца.

XXVIII. Да и нет

В.В. Розанову

I. «Художник, женщина и солнце! Вам дано...»

Художник, женщина и солнце! Вам дано
Родить... Вы матери, о Трое!
Художник, кисть твоя! Вот солнце золотое,
Освободясь от туч, ударило в окно.
Покров упал. Сияньем залита,
Нагая плоть безгрешна, как мечта.

II. «Вглядись во мрак, печальный богомаз...»

Вглядись во мрак, печальный богомаз.
Кто здесь с тобой средь кельи омертвелой?
Бросай же камнем в этот призрак белый!
Но ты в смятении... – не отводишь глаз
И руки тянешь к ней – и только лишь

«Будь проклята» молитвенно гласишь.

XXIX. «Зову тебя в воды хрустальные...»

Зову тебя в воды хрустальные,
К безгрешным объятьям маню.
Засмотрятся ивы печальные
На белую тайну твою.

Ты в брызгах идешь, окропленная,
И ты высока под луной,
Навстречу любви устремленная,
Подхвачена синей волной.

Плывем мы, как духи бесплотные.
И ты далека в глубине.
Гляди – огонечки болотные
Кивают нам, будто во сне.

И ластились руки воздушные...
И был неподкупен хрусталь...
А страсти, как дети послушные,
Глубоко таили печаль.

XXX. «Явлен знак. На персях напишу я...»

Явлен знак. На персях напишу я:
– Ты моя. Не быть тебе с другим. –
И запястьем окружу десную,
Пламенеющим, тройным.

Кандалы любви, свяжите ноги,
Чтоб измене жало разрубить.
И ключами зазвоню я, строгий, –
У темницы любо мне бродить.

Ты жива ли, умерла ль, не знаю.
Стой ли то, иль капля с потолка?
Цепь ключей к губам я прижимаю,
Грудь сжигает сладкая тоска...

Нет! О, нет! К себе тебя ревную!
Пусть ключи летят в туман морской...
Как на грудь, паду на дверь стальную...
Слышишь плача смертного прибой?

Это я. Мой череп о засовы
Бьется, бледный, а в руках дрожит
Связка роз, и мой костяк суровый

Страсть твою, как прежде, сторожит.

Через скважину проникнут взоры
Двух орбит, где ночи глубина...
Но в мой дух, что передвинет горы,
Верю – ты на вечность влюблена.

XXXI. Искустителю

Печать Антихриста – червонная звезда –
Горит на лбу твоём, возвышенном и ясном.
И луч певуч, и поднята мечта
Глаголом пышно–сладострастным.

– «Ко мне, ко мне – в запечатленный круг.
Наш легок пляс, а губы – язвы неги.
Мой миг велик, и нет разлук и мук
Тому, кто смел в последнем беге». –

Соблазны древние! О, памяти моей
Полуистертые, разбитые скрижали...
И зов веков, и вещий змей страстей, –
Завитые, скользящие спирали.

Печать Антихриста! Иуда! Страшный суд!
Всё та же ты, – икона Византии.
Но ярче твой огонь. – Сердца куют и жгут...
О, мудрецы!.. Рабы глухонемые!

XXXII. Маги

I. «Мы – цари. Жезлом державным»

Мы – цари. Жезлом державным
Крепко выи пригибаем
Своенравным.

Нашей воле двигать звенья
Цепи мира вправо, влево
Наслаждение.

Корабли несут нам дани:
Амбру, золото и пурпур.
Взмах лишь длани –

Мерно в бубны ударяя,
Хор плясуний легких вьется...
Девой рая

Будет та, что перст укажет:
Улыбнется
И к ногам владыки ляжет.

II. «Мы – цари. В венцах с жезлами...»

Мы – цари. В венцах с жезлами
Мы идем в пустыню грезить
Под звездами.

И столицу забываем,
Забываем блеск престольный
И внимаем.

Речи праведных созвездий,
Головой склонясь на камень:
Нет в них лести!..

Там короной драгоценной
Из ключей черпаем воду –
Дар бесценный.

И, торжественные маги,
Пьем свободу,
Как забвенные бродяги.

XXXIII. Барельеф

Пока на льва Сарданапал
С копьем в руках в рдяным оком,
Напрягши мышцы, наступал,
И зверь кидался и стонал
И падал, пораженный роком, —

В опочивальне смутных грезь
Царица тихо распускала,
Как знамя грусти, траур кос,
И чаши увлажненных роз
К грудям пылающим склоняла...

Далекий рёв! Предсмертный рёв!
И плеск, и буйственные клики...
Но неподвижен и суров,
Подъят над спинами рабов
Чернобородый лик владыки.

Внесли... Поникни головой,
Склонись, поздравь царя с победой,
Да примет кубок золотой, —
И пурпур губ его отведай,
Закрывшись бледною фатой.

XXXIV. Херувимы

I. «Херувимы Ассирии, быки крылатые...»

Херувимы Ассирии, быки крылатые,
Бородатые,
Возникают из пыли веков.
Железо лопаты, как резец ваятеля,
Чародателя,
Возрождает забвенных богов.
Херувимы крылатые – камень питания
Высшего знания, –
Из пыли веков
Двинулись ратью на новых богов.

II. «Вашу правду несете вы, пращуры древние...»

Вашу правду несете вы, пращуры древние,
Херувимы Ассирии,
Ответ человека на пламенный зов Божества.

Был час – и на камне

Почила Рука и руку искала:

Вы – встреча двух дланей,

Вы – их пожатье.

Привет вам, быки круторогие,

С лицом человечески–хмурым грядите!

XXXV. Сфинкс

Каменным когтем на грудь наступил.
Шествовал мимо и грузной стопой
Тронул, свалил.
Орошались уста ярко-рдяной струей:
Сфинкс проходил.

Шествовал мимо божественный зверь,
Белые очи в безбрежность ушли.
Лапой смахнул, – и в кровавой пыли
Пал я теперь.

Белые очи в глубинах скользят,
Поднят к далеким и чуждым мирам
Льдистый их взгляд.
Лапы по теплым ступают грудям,
Кости хрустят.

Лапы по рдяным ступают цветам.
Тронули, – вот под пятой я расцвел...
Сфинкс, устремляясь к безбрежным векам,
Мимо прошел.

XXXVI. Я холоден

О, если бы ты был холоден или горяч!

Апокалипсис, гл. 3, 15.

Отверзи мне двери, те, что я не открыл –

Оттого, что заржавели петли, – не было сил.

Заржавели петли от холодных дождей...

От людей, что Ты дал мне, – от слез людей!

Людей, что Ты дал мне, – я их не любил.

Из сладостной Книги был ближний мне мил.

Из сладостной Книги я много читал.

Мне за это отверзи. Я устал...

Душа моя – льдина, до костей я застыл.

Открой хоть за то мне, что я не открыл!

XXXVII. С дороги

Белый храм родной моей деревни,
Я любил тебя – издалека.
Забелеешь – бубенцы напевней,
И прошла дорожная тоска.

Ранним мартом, меж туманов сизых,
Мне подснежник грезился в тебе,
Что раскрылся, как весенней вызов,
Беззаботно брошенный судьбе.

А дорога прилипала к спицам,
Чтобы миг желанный оттянуть,
Чтобы счастья drobные крупницы
Вихрем встреч бездумно не смахнуть.

Поворот. Резвее скачут кони.
Рига. Сад. И дом за ним родной.
А уж храм забыть на тихом склоне,
Как цветок, оборванный рукой.

XXXVIII. Тоска

Вот он, старинный зал, где фикусы всё те же,
Так неизменны под кривым ножом, —
(Десятки лет он им вершины режет).
Вот он, старинный зал, где бегал я мальцом
С квадрата на квадрат паркетный вперепрыжку...
Вощенный пол скользил под резвою ногой,
И, стульев чопорных наруша строгий строй,
Здесь с братьями играл я в кошку—мышку,
Но чаще с бледной маленький Тоской.

Она была — как кукла восковая,
Невелика. И в локонах. С лицом
Неизъяснимо сладким. Золотая
Коронка высилась над выпуклым челом, —
Челом упрямыцы... И, правда, ты упряма
Была, и нудила: «Играй со иной. С одной.
О них не думай... Будь для них — немой.
Засохнуть фикусы. Остынет папа, мама.
Изменят братья. — Но всегда ты мой». —

И крепко, крепко шею обнимали
Мне ручки тонкие. И больно было мне,
И радостно. И в горле замирали
Рыдания бурные... И мчались мы по зале!..
И поздно, ввечеру, при сладостной луне,

Я клялся с ней по дремлющим покоем.
Звенел хрусталь в шандалах голубых.
От жардиньерок розой и левкоем
Тянуло слабо... И в ушах моих
Был топот тихий. В тайную беседу
Вступали мы. Хотелось воскресить
Забывтый мир... крылатую планету,
Где можно, не стыдясь, обнять, любить...
И тени фикусов тянулись по паркету.

Вот он, всё тот же, мой старинный зал,
Где фикусы по кадкам, точно мумий
Иссохший ряд... Где я с тобой играл!
Ты подросла. Тоска... Темнее и угрюмей
Твои глаза. Но также и теперь
Желанна ты, и мне не изменила.
Я на балкон открыл широко дверь...
Луна высокая и белая царила
Над елями... Как прежде, так теперь!
И те же ветхие, бестрепетные ели
С крестообразными вершинками у звезд...
Как будто мимо годы пролетели,
Как будто мало град, и снег, и бремя гнезд
Над мшистыми ветвями тяготели...

XXXIX. Мяч

Давно—давно, в беспечной суматохе
Ребячьих игр, кружась меж детей,
Лиловым вечером плененных тополей
Ловил я тайные, прерывистые вздохи.

Их тень, как исполин, бежала на меня
И падала к ногам, как исполин сраженный!
И вдруг глаза мои слезою затаенной
Туманились. Дыхание огня
Чела касалось. Я игры шумливой
Законы строгие внезапно забывал,
И мимо рук моих далече улетал
Свистящий мяч... Я слышу переливы
Дразнящих голосов, и смеха яркий звук
Бесславное мое венчает поражение!..
И жалко было тех, но смутное томленье,
Как первый вестник отдаленных мук,
Хватало сердце тонкими когтями...

О, глупый, старый мяч! Игра сплетенных воль!
Не бреди ребяческую боль:
Ты пролетишь над праздными руками!

XL. Возле елки

В шумной зале, где играли
Возле елки освещенной, –
Как дриада, в чаше сада,
Меж ветвей смеялась Нелли.

Мы глядели, как блестели
Золоченые орехи,
И глазами, что огнями,
Обожгли друг другу сердце.

Вся краснея и робея,
«Навсегда!» – она сказала.
Это слово было ново... –
«Навсегда!» – я ей ответил.

И, с улыбкой, вдруг, ошибкой,
Мы устами повстречались...
А вокруг елки были толки,
Что... играть мы не умеем.

XLI. «Мы носились на гигантах...»

М. Б.

Мы носились на гигантах.
Мы кружили до усталости.
В ваших косах, в ваших бантах
Были зовы сладкой алости.

Эти косы, эти змеи, —
Две змеи в игре стремительной, —
Разбегались все смелее,
Заплетались упоительней.

С обнаженными ногами,
Нежным хохотом дразнящие,
Два амура между нами,
На одном кресте висящие,

В синем бархате витали,
Златокудрые, воздушные...
Отдаляли и сближали
И свергались, простодушные.

И гвоздик кровавых гряды
Замутились, благовонные.
И не знали мы, что взгляды

Наши встретились – влюбленные.

XLII. На пасхе

«Христос воскрес!» – Потупилась она.
Зардела вся, как утренняя зорька...
Но неотступен он, и – сладко или горько, –
«Воистину» пролепетать должна.
Уста сомкнулись в грёзе поцелуя.
И думают...

Она по–своему: «зачем
Когда я жажду слов, он, как заклятый, нем?
Он имени Любви не произносить всуе...
Он ждёт... Чего? Я понимать должна:
Страшит грядущее... Но как бы я любила!
Я сердца первоцвет, как тайну, сохранила...»

А он по–своему: «мила, но холодна».

XLIII. Божья коровка

«Лети туда, где суженый живет!»
Шепнула ты, – и божия коровка
По белым пальчикам забегала неловко.
Мигнула, поднялась... Слежу ее полет.

Над синевой реки чуть видная краснеет.
Слабеют крылышки... Она не долетит!
Твой взор, насмешливый и ласковый, горит,
И ветерок кудрями тихо веет...

За ней, за ней летят твои мечты,
Ты счастья ждешь. – А божия коровка
Уж тонет... Грустно мне. Но радостно плутовка
Смеется, светлая: «как легковерен ты!»

XLIV. Встреча

В стекла кареты твоей заглянули
Солнцеподобные желтые лики
И, лепестками качая, кивнули, —
И на шелку перекинулись блики.

Ты пробудилась, ты вздрогнула. Мигом
Окна спустила, в поле вдыхала...
И, отвечая подсолнечным ликам,
Белым платочком приветно махала.

Встретилась в тряской телеге молодка.
Барышню мимо, дивясь, пропустила.
Стан над подсолнухом выгнулся четко.
Желтую голову ловко сломила.

XLV. «Наши тени на снегах...»

Наши тени на снегах
Закачались, закивали.
Месяц – в бледных кружевах
Лик утонченной печали.

По межам бурьян горит
Переливными огнями;
Вдалеке как бы висит
Лес застывшими клубами.

Мы восходим на бугор,
Где сугроб завился башней.
Продолжаем разговор –
Неоконченный вчерашний.

Месяц в тонких кружевах
Мудрый череп преклоняет,
И признание на губах
Так красиво замерзает.

И когда мы разошлись
Каждый с чуждыми мечтами,
Наши тени обнялись
И кружились над снегами...

XLVI. Старые девушки

I. «Повесть немая о тягостной страде...»

Повесть немая о тягостной страде
Жалко загубленных дней –
Осеребренные белые пряди
В пышной прическе твоей.

Выпала чаша из рук золотая
И, убегая, звенит...
В дрожи пугливой руки прочитаю:
«Кто позабыл – позабыть».

Тайны коснусь я, тревожный и чуткий;
Что не прочту – допоют
Голуби пленные с пестрою грудкой, –
Девичьей спальни уют.

Жгучей пустыней Египта святого
Вспоена горькая трель.
Нежно воркуют, – и тайна бывшего –
Как золотая свирель.

II. «Ты любила стихи и была горбатая...»

Ты любила стихи и была горбатая.
Были резкие тени на желтом лице.
И часто мечтала ты, с тайной усладою,
О бале блестящем и жемчужном венце.

Ты днем закрывала ставень скрипучий,
Жалобно читала, запрокинув чело;
Вдруг голос твой крепнул и лился так жгуче,
И рука поднималась, дрожа как крыло.

А мы шли к окошку подсмотреть, поглумиться,
Ловили сквозь щели обезумевший глаз...
Но всё же ты пленной казалась царицей,
И наш смех срывался, фальшивил и гас.

И, бывало, мы видели в ночи грозóвые –
Появлялась ты белая на ветхом крыльце;
И казалось: ты вышла под зарницы лиловые
С блестящего бала в жемчужном венце.

XLVII. «Номер тринадцатый наша каюта...»

Номер тринадцатый наша каюта:
Нам хорошо, но и жутко...
Мы так смеемся, так веселы, будто
Вовсе лишились рассудка.

Мы обручальные кольца снимали,
Надписи в кольцах читали;
В бледном, тревожном раздумьи смолкали,
Мысли, как чайки, летали...

Вышли на палубу. Ветер порывом
Рвал наши речи на клочья.
Белый платок в исступленьи красивом...
Плакали синие очи.

Ждали ограды... великого чуда!
Волны всё выше вставали.
— Номер тринадцатый ваша каюта, —
Пенясь, нам злые бросали.

XLVIII. «Мышь ворвалась к нам летучая...»

Мышь ворвалась к нам летучая,
К белому платью заманена...
Вот и дождался я случая:
Жутью ты в сердце ужалена!

Звякнет у люстры... По зеркалу
Вдруг соскользнет – и замечется!
В сумраке сладостно меркнуло
Белое платье прелестницы.

Низко над грудью взволнованной
Цепкие крылья проносятся...
Сердце забьется по-новому, –
К новому сердце запросится.

XLIX. У себя

Я не знаю лучшего:
Сумрак голубой,
Лунный трепет Тютчева
Льется под рукой;

Золотыми косами
Заплело окно;
И шумит березами
Ветер про одно, —

Про одно, забытое,
Что нельзя забыть,
Про одно, изжитое,
Что нельзя изжить...

И ласкаю пальцами
Лунные листы.
И в тени за пальцами
Улыбнешься ты.

Л. Голубятник

Когда в закатный час, к лазури,
Над сизой головой твоей,
Ты бросишь к небу голубей
И смотришь вверх, глаза сощура,
На осветленный хоровод,
А с колоколен позлащенных,
Как в медь, в сердца неуголенных
Гудящий колокол забьет,
И тряпка белая взовется
На палке в старческих руках, —
Я мыслю: всё пройдет как прах,
Но этот вечер помянется...
Пусть немые рабские уста.
Твоя молитва, в плоть одета,
На белых крыльях, в струях света,
Кружа, взлетит к Нему — туда.

II. Апрель

Лазурные цветы по зыби облаков,
С отливами то жемчуга, то стали,
Сырые ветры резво гнали
От южных берегов.

Размытым логом буйно убегали
Дубовые листы, вясь до облаков.
И вешний день, то светел, то суров,
Играл кинжалом вороненой стали.

Резнет клинок, внезапен и суров, –
И прячется в ножны, чтоб снова расцветали,
Росли и множились, плелись и убегали
Лазурные цветы над сучьями дубов.

И там, где синие гирлянды расцветали,
Курлыкая под зыбью облаков,
Как буквы двух божественных стихов,
Равнялись журавли и рифму окликали.

ЛII. «Капал дождик с шатких веток...»

Капал дождик с шатких веток,
А уж звезды просияли,
Беглым тучкам напоследок
Ласки тайные шептали.

Что́ шептали, что́ открыли,
Не слышать в моей лощине, —
Но светлее тучки плыли
Через свод сафирно-синий.

Но как знак — как знак ответный —
Длани тонкие метали
И, облекшись в саван бледный,
Улыбались — умирали.

ЛIII. «Зеленя разбегались, струились...»

Зеленя разбегались, струились,
Справа, слева, — далёко, далёко...
И я видел, как былки молились
Расцветающей Розе востока.

Замирали, прилежно склоняясь,
Повторяли тропарь хвалебный,
Призывали на хрупкую завязь
Дождик ласковый и целебный.

И о росте молились безбольном,
О подъеме над матерью черной,
Чтобы колос развился привольно,
Чтоб налились янтарные зерна.

О кончине покорной гласили
Под косой, чьи размахи велики...
И от Розы небесной сходили
На склоненных святые языки.

LIV. Беглые строфы

Небо заткано мелким узором, –
Облака высоки и недвижны.
Будто лилия, солнце за ними
Хрупкой чашей сквозит и мерцает.

Забурело поблеклое жнивье.
Зеленеет и стелется озимь.
И порхающий ветер лепечет
Однозвучные белые строфы.

Разыгрались грачи. Ниспадая,
Загудят, словно рокот прилива,
И поднимутся снова, и реют,
На невидимых волнах качаясь...

Мнится, будто сижу и гляжу я
В мой альбом, где все лица – родные,
Под наивной гравюрой, старинной,
Одноцветной, как серое небо.

LV. В лесу

I. «Утро раннее в красных огнях...»

Утро раннее в красных огнях.
Серебром и румянцем сугробы горят,
И в еловом лесу, на тяжелых ветвях,
Ледяные мечи в переливах дрожат.
Сном окованный
На заре искрометного белого дня.

Темносиние тени кругом
Полегли неподвижной зубчатой каймой.
У опушки, скрываясь густым лозняком,
Волчий след потянул... Вот другой.
И в лощину два следа спускаются
И сплетаются
И бегут, хоронясь от стрельчатых лучей.

Отгорая, тускнеет восход.
Слышен по лесу звучный топор:
Рубят старую сосну, и глухо поет
Похоронную песню встревоженный бор.
Вьются вихри, как духи бесплотные,
Перелетные

На заре ослепительно–яркого дня.

II. «Оттепель. С длинных сосулек сбегая...»

Оттепель. С длинных сосулек сбегая,
Капля за каплей бежит, напевая.
Серо и сыро. В косматом лесу
Гулко рокочут высокие кроны.
Смутно пророчат, – и нежные звоны
В сердце больном я покорно несу.

Эти печальные, сладкие звоны...
Жалобный крик пролетевшей вороны
И безнадежная зелень хвои!
Оцепенение и содрогание,
Жизни прощение, смерти лобзание –
Лед, – это слезы твои!

LVI. Виноград

Я насаждал виноградные тонкие лозы.
Я поливал их, роняя любовные слезы.

Зыбкие листья тихонько руками колебля,
Я выпрямлял, воздвигал побледневшие стебли.

С жаром и холодом бился, – прожорливой птице
Ставил силки, и капканы лукавой лисице...

Диво ли в том, что теперь, упоенный струею,
Сплю и царицу мою обнимаю мечтою?

Диво ли в том, что мой хмель так разымчив и светел,
Что виноград за любовь мне любовью ответил?

LVII. «Образы любимые, что сердце перетрогало...»

Образы любимые, что сердце перетрогало,
Измололись жерновом, потеряли связь.
Я с руки взволнованной отпускаю сокола,
Я застыл, Восходу алому дивясь...

Вот он стаю гонит, высоко заброшенный.
Знал я этих томных, лживых лебедей!
Старая лебедка падает, подкошена,
Мертвая покоится на груди моей.

Выше взмыл стремительный, тучами овеванный.
С птицей–Рок схватился. Птица–Рок страшит...
Побеждай, о сокол, сердцем возлелеянный,
Кровью лучшей вспоенный – кровных обид!

И глаза смежаются, солнцем ослепленные...
Там под жгучим оком вершится бой!
И завяло сердце, мукой пораженное,
И маню заступника – мертвой рукой.

Уединенный дол. Вторая книга стихов. (М.: Мусагет, 1914) Далекий брег

I. Медальоны. Цикл сонетов

Далекий, возделенный брег!
Пушкин

1. Святой Франциск

Когда я пал так безнадежно низко,
Что взор Христа страшуся повстречать, –
Хочу рукой слабеющей достать
До ризы бедной нежного Франциска.

Так тленный глаз от солнечного диска
К его лучам спешит перебежать;
Когда – в разлуке – милой не обнять,
Так сладостна – любовная записка.

Друг нищих душ, о младший брат Христов,

Ты не забыл ни пташек, ни волков,
Скитаясь меж бездомных лаззарони;

И даже злую плоть, что распинал,
В предсмертный час улыбкой ты ласкал,
Соединив пронзенные ладони.

2. Мильтон

Как сладко грезить мне, что, вспенив море,
Я посещу туманный Альбион,
Где состязались мудро виг и тори,
И даже бури ведали закон!

Мечтать в ночи о важном разговоре
Вестминстерских часов, – услыша звон, –
И о гробнице в лавровом уборе,
Где имя гордое прочту: *Мильтон*.

А ниже: Бард, или еще: *Свобода*.
И ясен мир заморского народа,
И как приближен дальний этот край!

Бестрепетный, железный пуританин,
Я верую в твой *возвращенный рай*,
Где даже дух твой – вечный Англичанин.

3. Паскаль

На лоб твой геометра полагая
Венок из терний, – вещую печаль,
Смирясь, умирил ты, Блэз Паскаль!
Пусть бездны зев грозит тебе, зияя, –

Пронзенная Десница всеблагая
Коснулась глаз твоих, и дальний Граль
Провидел ты и лобызал скрижаль,
Еще горящую огнем Синая.

А в час откровений и побед
Вручал тебе свой циркуль Архимед,
И дух живил предвечный Архитектор;

Склонясь к листу, ты числил и чертил,
Но под пером твоим малейший сектор
О таинстве распятий говорил.

4. Сведенборг

Едва теснины дольные расторг
Твой жгучий глаз и в далях безымянных
Витал, – скажи, избранный от избранных,

Кто о тебе подъял последний торг?

Кто, охмелевший бездной Сведенборг,
Встречал тебя на скалах первозданных, –
Денница ли с изгибом уст желанных,
Сулящий в дар свой ледяной восторг?

Как отвечал ты Князю искушений,
Воздвигнутый горе, к иным кругам
В обители лазоревых видений?

Но голос твой, завещанный векам,
Звучит темно и глухо о святыне,
Как колокол, затопленный в пучине.

5. Калиостро

Спеша из края в край в раскрашенной карете,
Как кожу гибкий змей, меняя имена
И жесты важные, – Маэстро и жена,
Лоренца лживая, несутся к дальней мете.

Великий Кофта ли в пурпуровом берете,
Граф Феникс в бархате, – быть может, Сатана? –
Он сыплет золотом и зельями, – она
Глазами жгучими влечет в иные сети.

И золото всех стран за райский Пентагон
Рекой стекается и, нимбом окружен,
Ты – чудо сам себе, волшебник Калиостро!

Но, чу! рожок звенит... Толпа ливрейных слуг
Снует бездельная... И мчит тебя, сам–друг,
Карета шестерней, малеванная пестро.

6. Бальзак

Огромный Оноре! плечом циклопа
Покорно принял ты, как дар от муз,
Седых камней неизреченный груз,
Отторгнутых могуществом потопа.

Ты храм воздвиг, – но дряхлая Европа
Змеей бежит пророчественных уз:
Богам из глины молится француз
С позорным сладострастием холопа.

До наших дней непонятый чужак,
Как хороша твоих созданий свита:
Ведун Ламберт и томный Растиньяк,

И лик свирепый красного бандита!
Но слаще всех, возвышенный Бальзак,
Твой андрогин крылатый – Серафита.

II. Орлы

Где будет труп, там соберутся орлы.
Матф. 24, 28; Луки 17, 37

На бледный труп от льдистой мглы,
С бесплодных гор, ширяя, канут
Широковейные орлы
И, веки приподняв, заглянут
В безжизненный зрачок... И вот,
Пророча воскресенье персти,
Орел седой, ярься, клюет
Из окровавленных отверстий.
Глаза, что в грозный день Суда,
Восхищены от пасти орлей,
Уж не померкнут никогда, —
Скользят в ненасытимом горле.

И ждут косматые орлы
Обряда темного свершенья;
Глядят, нахмурены и злы,
На первое преображенье.
Их дрогнут крылья, чуть старик
Вонзит меж ребер клюв согбенный,
И горд и буен будет клик,
Когда из груди вожденной
Ужасный повлечет комок

И когтем над орлами вскинет,
Да клюва алчного не минет
Пустой бессмертного чертог.

III. Памяти Н. Ф. Федорова

1. «С каким безумием почтил ты человека...»

С каким безумием почтил ты человека,
Как жутко высоко ты длань его занес,
Ты, вещий и святой старик—библиотекарь,
Кротчайший из людей и повелитель гроз!

В убогой комнате, зарями золотыми,
Когда Москва спала, а Кремль был нежно—ал,
Листы дрожащие, непонятый алхимик,
Реченьем пурпура и крови покрывал.

Как зыбким ладаном, овеянный отцами,
Сын человеческий, сыновством ты болел;
И выкликал, трубя над горными мирами,
Аскет и праведник, — бессмертье грешных тел!

2. Заставка

Высокий серый крест... У мшистого подножья

Желтеет тускло шар на скрещенных костях.
Вдали – гряда холмов. А сверху: *Нива Божья*.
Славянской вязию гласит поблеклый стяг.

Адамов череп там возник из бренной персти,
Но в ужасе глазниц подъята тьма гробов:
Так когти льдистые владычной древней смерти
Еще свирепее под молотом веков!

Эдема бедный Царь, на дне времен не ты ли,
Как божий сын, сиял в безгрешной нагоде,
И то тебя – Тебя – нагого пригвоздили
Твои сыны, вверху, на сером том кресте?

...А там холмы, холмы... И сверху: *Нива Божья*,
Вписал Неведомый на полинялый стяг
И опочил, припав у серого подножья,
С нетленной лилией в хладеющих перстах.

IV. Гимн предкам

То верно был монарх, кто взора жадной тягой
Тарпана дикого сдержал привольный лёт;
Чей клич, как первый конь, носился пред ватагой
И заклинал, грозя, и в дальний звал поход.

Нагой среди нагих, седым крылом орлиным
Холодный блеск чела по праву оттенил;
И первый тот венец за первородным сыном
Копьем жестоких битв, не дрогнув, закрепил.

То верно был пророк, кто на костер гудящий,
Кудрявый, радостный, юнейший из костров,
Пролил всю кровь свою и, бледный, пал средь чащи,
Как жертва сладкая для трапезы богов.

Любовь вам, пращуры, чьи трепетные жилы,
Как узы строгие, на хаос налегли,
А сердца рдяный уголь и чресл слепые силы
Вещали тайну солнца и земли.

И это был поэт, кто в темном реве ветра
Ловил крылатую души своей печаль
И звуки первые размеренного метра
Одни, свистящие, любил в тебе, пищаль;

Кто в шее лебеда провидел выгиб лиры,
В кудрях возлюбленной искал поющих струн;
Блуждая по горам, на красные порфиры
Врубил, восторженный, сплетенья первых рун.

И это был поэт, кто крик любви жгучей
Бросал одним волнам песчаных берегов
И слушал перезвон дождя, смеясь под тучей,
И руки простирали за трубами громов.

О, прашуры, когда внимаю бури ропот,
И злоба выюжная кружит отмерший лист,
Мне будто слышится набегов буйный топот
И тяжких ваших стрел неверный, резкий свист.

Не вы ль проносите, овеянные мглами,
Будить и влечь сынов к невиданным огням,
Чтоб кровью жертвенной и гулками струнами
Ваш дух живой отдать иным векам?

V. Ковыль

Где только плуг пройдет, ковыль, волшебство степи,
Развеется, как серебристый дым;
И дикая страна немых великолепий
Отступит вглубь, за пастырем своим.

С печальным рокотом встревоженные волны,
За валом вал, спеша, прольют гурты;
Верблюдов проплывут чудовищные челны,
Качая рыжекосмые хребты.

И косяки коней сомкнет гортанным кликом,
Арапником над головой свистя,
Широкоскулый всадник с медным ликом,
Родных степей любимое дитя.

За пыльным облаком, без дум и без желаний,
Исчезнет, как непонятая быль;
И, уходя, свернет ковры бесценных тканей, —
Жемчужный и серебряный ковыль.

VI. Тучи

Есть тучи бурые, как стая злых гиен,
Косматых, мстительных и никогда не сытых,
С промозглым холодом струящих гробный тлен
Своих дыханий ядовитых.

Они приходят в дни грозой чреватых лет,
Когда разгул стихий так хмелен и беспечен,
И ливень, брошенный для варварских побед,
Поникшими полями встречен.

Они приходят к нам, когда, в закатный миг,
Лиловый тусклый диск из щели косо глянет
И в лужи кровь прольет, презрителен и дик,
И в бездну дымчатую канет.

Тогда—то, с севера, на пепельный покров
Нежданно ринется, друг друга обгоняя,
Ватага желтая с оскалом злых клыков,
На бой развернутая стая...

В торговой слободе, по суетным делам,
Тоскующий, я жил, сжигая дни за днями;
Средь жадных прасолов трактирный слушал гам,
Смеясь за водкой и груздями.

Касанья цепких рук, делецкий разговор,
Развинченный орган и этот дым зловонный, –
Весь кем–то для меня придуманный позор, –
Я нес, холодный, непреклонный.

А вечером глядел сквозь потное окно
На небо сизое, на жидкий луч закатный,
На скачку бурых туч, и было мне дано
Раскрыть их символ непонятный.

Они бегут туда, бурно зло прошло,
Где всё ненастьями убито или смято, –
Гиены жадные, – и правят ремесло,
Им предназначенное, – свято.

VII. «Порвался мертвый полог забытья...»

Порвался мертвый полог забытья:
Внезапный ужас сердце ускоряет.
Виски стучат... – Зачем я здесь? Кто – я?
И чья игра из бездны забытья
Меж этих стен, как кость, меня бросает?

С игровой костью сопряженный дух
Восстал, дивясь... И были непривычны
Тень головы, руки и светлый круг
На потолке. И чуждо резал слух
Гудящий бой часов, как зов иноязычный.

Да, – я летел... Я пережил позор...
Рука у сердца, ослепленный взор,
И стыд пылал, как факел, на ланитах.
Склоню колена... Мягче – на ковер.
И глажу перья крыл моих разбитых.

А там?.. Бессилен мозг. Душа молчит.
Разбились, выпали божественные звенья.
Я перья глажу... Нет, крыло не полетит!
Лишь маятник из глубины стучит,
Да серым пеплом сыплется забвенье.

VIII. «Мой хранитель в орлянку играл...»

Мой хранитель в орлянку играл,
И высоко меня он метал.

Выше гор, и лесов, и озер
Поднимался я, весел и скор.

– Будь орел! – он вскричал и замолк;
А другой усмехнулся, как волк.

Выше гор и озер я летел,
Ярче солнца в лазури горел.

– Выбирай. Обретаешь ты власть
Возлететь, устоять или пасть. –

И я – стал... Размышлял... И стрелой
Падал ниц, повлеченный землей!

И хранитель в смущеньи поник,
Побледнел затуманенный лик.

А другой взял суму, развязал,
Горсть открыл и бездумно мигал.

IX. «Когда Господь метнет меня на землю...»

Когда Господь метнет меня на землю, —
Как кошка блудная о камень мостовой
Ударюсь когтем я и гневный вопль подыемлю;
И, выгибаясь жилистой спиной,
Гляжу к Нему: с улыбкой наблюдает
Мой жалкий вид Господь — и, сумрачен, бреду...
Потом кричу: «Ты прав! Душа моя пылает!
Ты прав!» — кричу в молитвенном бреду.

И смотрит Он. Рука Его подъята,
И я бегу, и на руки Его
Бросаюсь, и ложусь так беззаботно—свято;
И гладит Он меня, лаская: «Каково?»

Х. Водопад

O Mort, vieux capitaine, il est temps! levons l'ancre!

Ce pays nous ennuie, o Mort! Appareillons!

Baudelaire

О волны хмельные, о сосны вещей дремы.
Хоругви строгие зубчатых мудрых елей!
Грозящий гулкий смех, воркующие громы
Зеленых рокотов, алеющих веселий!
Ты, книга бурная псалмов, от века петых,
Меж скал раскрытая на древнем аналое,
Склонись к призывам рук, молитвенно воздетых,
И погаси в груди смятенье роковое...
А нет – благослови на путь к безвестным странам.
Прыжок слепой тоски оплачьте, волны, пеньем;
И, буйные, опав над телом бездыханным,
Пролейтесь благостным заоблачным виденьем!
И, прилетев, ту песнь подхватит хор метелей,
Помчит к горам, кружась от сладостной истомы...
О, волны хмельные, о сосны вещей дремы,
Хоругви строгие зубчатых мудрых елей!

ХІ. Бескрайный путь. Сонет

Полярными пионами венчана,
Пирует твердь над бледностью снегов,
Над башнями лазоревых дворцов
У берега холодного Мурмана.

Узывный бубен древнего шамана,
Утишь круженье огненных духов!
Олени ждут, и самоед готов, —
И белая приветлива поляна.

Бескраен путь, а нарты так легки!
Мне к небесам, играючи, снежки
Подбросить хочется, — но уж возница

Заносит жердь... Ветвистые рога
Качаются, — и мы летим, как птица,
Взметая вихревые жемчуга.

XII. Искатели

Вам по плечу и, знаю, нужен
Чудовищный и тяжкий шлем
И трубка гибкая, – затем,
Что вы – искатели жемчужин.

Зовут, манят во мглу пучин
Волшебства зарослей пурпурных,
Лилеи в известковых урнах
И сангвинический дельфин.

Морской конек на ваше пламя
Круглит, дивясь, беззубый рот;
Звезда заденет и падет
И слабо хрустнет под ногами.

И золотистых рыб игра
Овеет вдруг, как лист осенний...
Но уж, виясь из клуба теней,
Плывет змея... Пора, пора!

Под грузом непосильной тяги
Вы рветесь ввысь – к земле родной.
Любовь владычицы морской
Не вам – лукавые бродяги!

Руно червонное кудрей,
Томящий хвост осеребренный,
И лучший перл – тоски влюбленной
Из бледно–голубых очей –

Тому, кто, с тайной грустью дружен,
Приплыл к ней бледный – наг и нем...
Он презрел этот мудрый шлем,
Вы, похитители жемчужин!

ХІІІ. «Я не искал крутых дорог...»

Я не искал крутых дорог
На обездоленные скалы;
Их очерк был так дивно строг,
Мои шаги – так скорбно малы!

От глетчера поток бежал
И пенился, и голос гневный,
Ударясь с кручи, разрывал
Ручьев долины хор напевный.

И в огненных лучах, зардев,
Свергались, ухая, лавины;
А гром гремит, как ярый лев,
Гремит и бьется о стремнины.

И чей-то исступленный лёт,
Свой путь означа буреломом,
Безмерной скорбью сотрясет
Столетний лес вослед за громом...

Мне не искать святых дорог
На цепенеющие скалы,
Где на заре глядится Бог
В золотосиние кристаллы.

XIV. «Как столб, иссеченный в горах, один, затерян...»

Как столб, иссеченный в горах, один, затерян
У нисходящего пути,
Приказу древнему самозабвенно верен,
Я не могу сойти;

Я не могу сойти в роскошные поляны,
Где труд и пир людской,
Где нивы спелые грустят благоуханны,
Когда спадает зной.

И странен я и дик для вас, бегущих мимо, –
Посмешище и грех, –
Но сердце темное мое неуязвимо,
Сокрытое от всех.

Лишь тот один, кто здесь меня оставил
И пригвоздил пяди,
Тот ведает, что, – против ваших правил, –
Я на моем посту.

XV. «Не люби на земле ни леса, ни луга заливные...»

Не люби на земле ни леса, ни луга заливные, –
Над полями, над бором люби монастырские главы;
Темносиние главы и звезды по ним золотые,
Колокольный отгул и седины затворника–аввы.

Припечатанный лаптем, на звоны бегущий проселок
Где в железах поет юродивый, алкающий боли;
И, белея платками, присела толпа богомолков,
Распуская узлы и грустя про земные недоли.

И над озером тихим, где тянутся братские тони
И огромными хлопьями падают белые птицы,
По–над рокотом пенистых волн, в опрозраченном звоне
Ты услышишь серебряный голос Небесной Царицы.

XVI. Христова невеста

Хрусткой ночью путь—дороженька ведет,
Хрусткой ночью глаз Лукавый не сомкнет.

Ты иди, моя смиренница, иди,
Ничего, душа, не бойся и не жди!

Льдистой ночью исчисляются дела,
Льдистой ночью закаляется стрела.

Непорочная, иди себе да пой —
И жива пройдешь под вражеской стрелой.

Синей ночью сопрягаются пути, —
Синей ночью, одинокая, иди.

А увидишь если беса под кустом,
Огради себя ты Спасовым крестом.

Чуткой ночью замыкается кольцо,
Чуткой ночью открывается лицо.

Ах, не нужно бы, не нужно бы кольца,
Всё идти бы без оглядки, без конца!

Чтоб тропинка да за горы поднялась,

Через звездные узоры повелась...

Зоркой ночью путь—дороженька ведет,
Зоркой ночью глаз Лукавый не сомкнет...

XVII. Скиты

Они горят еще – осколки древней Руси –
В зубах лесной глуши, в оправе сизых вод,
Где в алый час зари, распятый Иисусе,
Любовный голос Твой и плачет и зовет.

Чуть из конца в конец неизречимый клеток
Небесного Орла прорежет сонный бор
И сосен мачтовых ответит струнный рокот
И запоем в груди разбуженных озер;

И, за свечой свеча, разверзнут очи храмы –
Кругом у алтаря, как черный ряд столпов,
Сойдутся иноки, торжественны и прямы,
Сплетать живую сеть из верных тайне слов.

Там старцы ветхие в священных гробах келий,
Где дышит ладаном, и воском, и смолой,
Уж видят кровь Твою, пролитую сквозь ели,
И воздвигают крест иссохшею рукой.

И в алый час зари, распятый Иисусе,
Как голос Твой томит и манит и зовет
Разрезать плен сердец – к осколкам древней Руси,
К зубцам лесной глуши, к оправе сизых вод,

К сиянью алтарей и чарованиям строгим
Стихир таинственных, чтоб сетью властных слов
Жемчужину любви привлечь к сердцам убогим
Из царства розовых и рдяных облаков.

XVIII. Старцы

Волы священные – Иосиф, Варсонофий, –
Глубоко взрезали вы скитские поля.
И белый – тих и благ, а сизый – тем суровой,
Чем неподатливей заклекая земля.

На жесткий ваш ярем, два сопряженных брата,
В лучистом трепете нисходит крестный знак;
И с ликом огненным божественный Вожатый
К отцовым пажитям ведет ваш мерный шаг.

Две кельи связаны объятьем низких сводов,
Две дружные сестры у нежно-алых врат;
Их окна зрячие, презрев дрему и отдых,
В седую мглу ночей без устали глядят...

Глядят на дремный бор, что глуше всё и старей,
На перегиб тропы, завитой меж стволов,
Где тихо шествуют Амвросий и Макарий
Прозрачной радугой в лиловый сон снегов.

XIX. Икона

Я не один, когда с таинственной иконы
Предтеча Господа, Архангел окрыленный,
Глазами дикого, пустынного орла
Глядит, пронзительный и острый как стрела,
И в согнутой руке, глася о грозном чуде,
Подъемлет голову кровавую на блюде.
Хладеют сумерки, и желтый вечер строг.
Из скал зазубренных, опоры смуглых ног,
Кривится тощий куст, а у корней, под деревом,
Секира брошена, отточенная Гневом,
И свиток выгнулся, как разъяренный змей,
Готовый броситься в сумятицу людей.

Я не один, когда с крылатым Иоанном
Я, духом пробудясь, пою о несказанном,
И в тихие часы мне, как своя, близка
Меж скал гремящая пустынная тоска,
И пальмы стройные, и волны Иордана,
Где, верую, моя запекшаяся рана
Тобой омоется, а перст укажет твой,
Вдали Идущего с поникшей головой.

На лоне родимой земли

*И распяты копны крестами старинными
На лоне родимой земли...*

I. «Ударил гром. В ночи бездонной...»

Ударил гром. В ночи бездонной,
Раскрыв пурпурные глаза,
На колеснице окрыленной,
Как фурия, летит гроза.

Там – треск осей и ржание коней,
И бледных грив слепящий взлет;
Здесь – шелест листьев на балконе
И в сердце – жути тонкий лед.

Что ты несешь родимым нивам
Под громыхающей пятой,
Сердцам унылым и пугливым,
Царица ночи боевой?

Ломящий вихрь? Кристаллы градин?
Огонь, что нищий дом сожжет? –
Дать сок от лучших виноградин –

Довлест сердцу в свой черед.

II. Багрянородному

Кремлевый дуб, один ты близ опушки взрос
Широк размах ветвей державных;
Чело кудрявое над лесом ты вознес
И трепет листьев своенравных

Гармонию творит неведомых услад
В часы вечерних откровений,
И пляска легкая доверчивых дриад
У ног твоих колышет тени.

Лесные голуби в развилине суков
Найдут семейственным заботам
Прибежище и мир под сению листов;
Замедлит сойка перелетом

На маковке твоей, лазоревым крылом Кичася...
Безмятежный, строгий,
Ты всем окрест отраден и знаком,
Откроешь всем свои чертоги.

Когда же, в осени, вдруг бурей омрачен,
Воспримешь гневную завесу,
Ты, мнится, сам той бурей порожден
И злую мать бросаешь лесу.

III. Береза

Остановись. Смотри, как хороша сквозная
Игра моих листов... Уж больше сотни лет
Тростинку хрупкую сажал твой грозный дед,
О лаврах боевых мечтательно вздыхая.

И он мне изменил – в двенадцатом году.
А я росла в громах иных, воздушных ратей...
Вы, страсти грозные и взрывы злых проклятий,
Когда металась я в горячечном бреду! –

Я вас осилила!.. Иного поколенья
Неслась ко мне волна – лазурный, нежный сон;
И кроткий человек, осмеян и влюблен,
Лишь мною понятый, бродил, как привиденье...

И ночью вешнею ко мне издалека
Домчалась песнь любви... Как сладко шелестели
Юнейшие меня, и серьги в лад звенели,
А соловей молчал под чарами смычка.

Я выше всех росла и стала я – царица.
Я мантию снегов, мой горностай, люблю.
Приди: моя кора – как чистая страница,
Белей, чем тело жен, – тебе ее даю.

Мой ствол – как столп небес. Я древняя береза.
Я как своей – горда мне близкой синевой;
Но ветвь поникшую родню с твоей мечтой
И трогаю чело, как трепетная греза.

IV. На балконе

Стихи прочитаны, приветы отшумели,
И самовар погас. – Молчи и слушай ночь.
И совы, может быть, про то, что не сумели
Мы воплотить в слова, проплачут нам – точь–в–точь.

Ты слышишь? Вот они, раскатистые кличи,
Где робкая мольба вдруг перельется в смех,
Смех истерический, русалочий – не птичий...
И снова жалоба – на смутный миг утех.

А полночь звездная тиха, – и месяц нежный
На небе выведен, как некий тайный знак;
И шепоты в листьях о доле неизбежной,
О том, что путь любви прорежет злой овраг...

Куда умчало нас? Иль мы не на балконе.
Где недопитый чай и бедный том стихов,
А в мире чудом вдруг открывшихся гармоний
Божественных и музыкальных сов?

V. Иволга

В сады моей страны и хмурые дубровы
Ты солнце тропиков на перьях принесла;
И строгой красоты нарушила основы,
Вся – слиток золота, и уголь – два крыла.

И крик твой радостный волшебною валторной
Как вызов прозвенит, как дерзостная весть,
Что для любви моей медленно–упорной
Есть солнце жаркое, и счастье тоже есть!

Когда по синеве пологими волнами
Ты мягко кинешься, твой золотистый след
Хочу я задержать широкими глазами,
В душе зарисовать отрадный силуэт.

В сады моей страны и строгие дубровы,
Вся – слиток золота, и уголь – два крыла,
Ты образ женщины любимой принесла,
С ноги заточника снимающей оковы.

VI. «Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный...»

Эрнесту Кейхелю

Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный,
Где каждый час – как дар и каждый миг – певуч;
И в сердце, трепеща, влетает рдяный луч,
Как птица райская из кущи виноградной.

Я пью мой синий день, как брагу хмелевую
Из чьих-то смуглых рук, склонивших древний жбан.
От утра до зари брожу, смятен и пьян,
И землю под ногой жалею и милую.

И тайно верится, что в струях этой влаги
Отныне и вовек душа не отцветет...
Но тише... Меж деревьев – ты слышишь? – Бог идет.
И ветви, заалев, колышятся, как стяги.

VII. Февраль

Уж истощил февраль последние метели, —
Сегодня синева, и солнце, и капли;
И тронули сугроб предвешние лучи.
Иссиня—черные клювастые грачи
Над первой лужицей ступают осторожно.
Крыльцо уж высохло, и сельской деве можно,
Накинув на лицо лазоревый платок,
Без шубки выглянуть на солнечный припек
И поцелуй принять от берегов далеких;
Меж тем, как бережно два парня краснощеких
На долгих поводах проводят у крыльца
В попоне праздничной гнедого жеребца.

VIII. Ранний сев

Лишь воды вешние в оврагах отыграли
И озимь тронулась – прозеленели дали;
И, спячку долгую с трудом преодолев,
Тушканчик выбежал взглянуть на первый сев.
Из деревень, бренча, съезжают сохи к нивам;
Влекутся бороны, и сосункам пугливым
За кроткой матерью не спрятаться никак;
Спокойней стригуны: их юношеский шаг
Степенен и ленив, а морды, то и дело,
К телеге, где овес, склоняются несмело...

Вот пашня рыхлая. И каждый черный ком
Рассыплется в руках, едва его сожмем...
Соха налажена. Старик проводит леги.
Севалку поднял сын – не видно ли прорехи;
И, осенив крестом широкий белый лоб,
Рядно отворотил и семена загреб.

IX. «В сизые волны речные юноши, сбросив одежды...»

В сизые волны речные юноши, сбросив одежды
И долгогривых коней метким прыжком оседлав,
Бойко вступают. Храпят боязливо добрые кони,
В брызгах и плесках зыбей мерно копыта взнося.
Там, где студеней бегут родников потаенные струи,
Прянули юноши вдруг, рядом с конями плывут;
Снова и снова взлетают на скользкие зыбкие спины,
С кликом победы лучам стройные кажут тела.
Этот, – могучий плечами, раскинувши смуглые руки,
Ржанью коней подражал, – тот, – горделивый нарцисс, –
Нежной рукой подбочась, заслушался песни далекой,
Рокота первой тоски зорких и ласковых дев.

Х. «Любишь ржавых тростников...»

Любишь ржавых тростников
Полусонное шептание?
Любишь утренних часов
Золотое одеянье?

Любишь дни, как валуны,
В синь реки бросать без счета?
Любишь степи? Табуны?
Ветер? Шмелей диких соты?..

Любишь – Бог тебя дарит!
Выбирай коня любого, –
Вихрем взвейся... Гул копыт
Сердцу слаще говорит,
Чем докучливое слово.

XI. Вечер

Слышишь ли иволги голос влюбленный

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.